

Ирина КОРНЕЕВА

— ...Я верю грядущим годам, где все незнакомо и ново. Но дело идет к холодам, и нет варианта иного. А впрочем, ты так молода, что даже в пальтишке без меха все эти мои холода никак для тебя не помеха. Ты так молода, молода, а рядом такие соблазны, что эти мои холода нисколько тебе не опасны. Простимся до Судного дня. Все птицы мои улетели. Но ты еще вспомнишь меня однажды во время метели. В морозной январской тиши, припомнив ушедшие годы, ты варежкой мне помаша из вашей холодной погоды.

Эти строки из «Предзимья» Юрия Левитанского, надо полагать, — прямое обращение к вам, Ирина. Много он вам стихов посвящал?

— Не очень. Стихотворения четыре, и еще в двух-трех есть намеки на меня. А официальное посвящение мне только на одном стихотворении. За десять лет нашей совместной жизни.

— К какой-нибудь дате или так, по настроению?

— Ко дню нашей свадьбы. Он преподнес мне картинку акварельную с изображением руки и сердца и стихотворение: «Я руку и сердце нарисовал красками на картоне...». Подарок в виде вдохновения и символов.

— Он вручил это вам, изысканно встав на колени?

— Юрий Давыдович был человеком с большим чувством юмора и предложение мне сделал достаточно беспардонно. Ему не свойственно было преклонение колен, к тому же до того, как зарегистрировать наши отношения, мы жили уже лет пять вместе и его рука и сердце давно были у меня, а мои — у него. Это была лишь констатация давно известного всем факта, а не торжественное бракосочетание.

— Вы сейчас часто перечитываете Юрия Левитанского?

— Практически все его стихи, которые я люблю, я знаю наизусть. Они во мне живут и перечитывать глазами мне их не особенно нужно. Другой вопрос, возвращаюсь ли я к его книгам... Знаете, его стихи из той литературы, которая мне причиняет душевную боль. Большое удовольствие и большое страдание... Стихи Юрия Давыдовича и при его жизни мне было тяжело читать — как посторонний читатель я ими восхищалась, но как жена я знала, какая за той или иной строчкой глубина переживаний. Ведь в отличие от многих литераторов, которые вполне успешно могут писать «из головы», у Юрия Давыдовича за каждым стихотворением стояла ситуация, в которой он сам оказался, и чувство, которое он сам пережил. Все его стихи — это очень личное.

— Отсюда его ирония: «Да, я могу такое плести километрами, только зачем?»

— Действительно, у него было достаточно мало стихотворений. Его нельзя было назвать плодовитым автором. За последние десять лет его жизни у него вышли только две книги. Он умер в 75, писать серьезно начал лет в 25, и все его творчество за пятьдесят лет можно было уместить в одну книгу, пусть и достаточно толстую, которая в 1998 году после его смерти вышла в издательстве «Х.Г.С.». Я постаралась все в нее собрать.

— Он не признавал права на существование литературного вымысла?

— Фантазии у него было достаточно, чтобы все самому придумать. Но у него было убеждение, можно даже сказать, творческое кредо: писать только о том, что пережил сам.

Левитанский никогда не выпускал сборников стихов, как это принято: пишет-пишет человек, набирается у него в определенный момент двадцать стихотворений, он их помещает в одну книгу и издает. У Юрия Давыдовича книги всегда были с сюжетом и продуманной композицией, в которых переставив местами стихотворения невозможно. Поэтому когда мне предлагают опубликовать что-то «избранное», я отказываюсь — это невозможно делать только в том порядке, который он сам установил. В этом смысле показательная книга «Кинематограф», в свое время она стала очень значительным событием в литературной жизни. Она состоит из перемешанных между собой снов и воспоминаний. Я однажды заинтересовалась, нет ли в ней хоть толики вымысла, а он ответил с удивлением: неужели ты до сих пор не поняла, что и все эти сны я видел на самом деле?

— Вы советуетесь с ним сейчас через его стихи?

— Воспринимать поэзию как ответы на какие-то вопросы... Не думаю, что это правильное отношение к литературе вообще.

— А он с вами советовался, если рифма не шла?

— У нас была разница в сорок четыре года. И я думаю, в качестве советчика я его не особенно интересовала. Чаще всего он мне давал прочесть уже готовое стихотворение и ему была интересна моя реакция как первого читателя, а не мое мнение. Да мне и в голову не приходило его

После смерти поэта Юрия Левитанского в его доме появился кот. Ну должна же быть в квартире живая душа, спасающая от одиночества... Во время нашего разговора с женой поэта Ириной Машковской этот скромный пепельный барс сначала заглянул в комнату, затем отважился выйти на ее середину и пристально взглянуть новому человеку в глаза, а в конце беседы даже разрешил себя погладить. Чужих он видит редко, на улице гулять не выходит и, когда хозяйка отправляется на работу, становится единственным полноправным владельцем литературного и художественного наследия Левитанского — его книг и акварелей.

А вот «спасибо» не будет. Кремль, июль 1995 г.

Вед. Москва, 1999, 25 мая, с. 5

— трамвайные вишенки страшных времен

Пожилой человек рассказывал, молодая девушка слушала. Потом стало ясно: ей без него не жить

Из семейной архива

Досье «ВМ»

Юрий Левитанский родился 22 января 1922 года в городе Козелец Черниговской области. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды, медалями. Окончил Высшие литературные курсы в 1957 году. Член СП СССР с 1957 года. Поэт и, как указывается в некоторых энциклопедиях, — переводчик: много сил приходилось отдавать этому черному литературному труду ради заработка.

Преобладающая форма его творческого наследия — «книга стихов», цельное произведение с четко обозначенным структурным построением, единое по мысли, а порой — и по фабуле, как, например, «Письма Катерине, или Прогулка с Фаустом» (1981). Таких книг он написал немного — семь. Наиболее известная среди них — «Кинематограф» (1970). Особняком в творчестве Левитанского стоит сборник оригинальных пародий на стихи современных поэтов «Сюжет с вариациями» (1978). «Старинные часы», «Кепочка», «Высокий белый пароход» — его песни.

Умер 25 января 1996 года.

творчество как-то оценивать, хорошо он написал или плохо. Конечно, гениально. А потом он уже был в таком возрасте, когда и сам понимал, что жизнь уже заканчивается и нельзя писать проходные вещи. Но есть пример: в одном из самых последних стихотворений Юрия Давыдовича рефреном звучит строка из Мандельштама «Я трамвайная вишенка страшной поры». Он меня долго мучил: что за странный образ — трамвайная вишенка, что имел в виду Мандельштам? Обсуждали мы долго — оброненная ли это ягодка, на которую едет железное колесо, реклама какого-нибудь вишневого сока на трамвае или еще чего. Точного ответа ему не могли дать и тогда ответила очень непростая. Были старые родители, очень поздние дети от прежнего брака, три девочки-погодки, которых он обожал и занимался их воспитанием, как «сумасшедшая мать» — так он сам себя называл. А в перерывах между купаниями, варениями кашек и укладываниями спать

ся в его творческий процесс?

— Мы прожили вместе десять лет, из которых восемь я постоянно работала. Утром я кормила его завтраком и уходила. Он целый день был предоставлен самому себе. Сидел за столом часа два-три, читал, ел, спал, гулял, но работа мысли все равно шла, нельзя же забыть стихотворение. Записать на бумагу — это дело десятое. Он мог заниматься чем угодно, а строчки все равно в голове потихонечку крутились... А вмешиваться в творческий процесс в принципе было возможно, потому что это не очень ему мешало, как показывал опыт до меня. Ведь у Юрия Давыдовича жизнь была очень непростая. Были старые родители, очень поздние дети от прежнего брака, три девочки-погодки, которых он обожал и занимался их воспитанием, как «сумасшедшая мать» — так он сам себя называл. А в перерывах между купаниями, варениями кашек и укладываниями спать

он чего-то там умудрялся писать. — Насколько мне известно, ваш роман начался на Рижском взморье. Вы — восемнадцатилетняя студентка, он — немолодой известный поэт...

— Это не был курортный роман в привычном понимании. Мы с Левитанским встретились раз или два, а потом писали друг другу... Я и не думала о том, что он станет моим мужем. Это сейчас «неравные браки» сплошь и рядом случаются, а 13 лет тому назад подобного никто и предположить не мог. И даже не то, как мужа, я вообще его как мужчину, как партнера, честно говоря, не рассматривала. Общение наше сводилось к следующему: пожилой человек что-то рассказывает, а молодая девушка слушает. Потом появилась нежность и жалость, желание его оградить, уберечь от чего-то, а затем стало ясно, что я без него уже жить не смогу... (Произносится это совершенно беспардонно. — И. К.) И завертелось-закрутилось, и докатилось до страшных последствий. До полного разрыва с моей семьей — мои родители не смирились с этим до сих пор...

— А на то, что до вашего знакомства вы не знали стихов Левитанского, как Юрий Давыдович отреагировал?

— Посмеялся. Сказал: позор, студентка филологического вуза... Но я-то была филологом-германологом. Потом только окончила два факультета: романо-германский и советской литературы.

— Жилищный вопрос у вас остро стоял?

— Это первая наша приличная квартира. (Двухкомнатная, около метро «Бабушкинская». — И. К.) Мы ее получили за два года до смерти Юрия Давыдовича. Прежде снимали, потом у нас была крохотная однокомнатная с безобразной планировкой — есть такие со входом в кухню сразу из комнаты без коридора... Не было денег, не было ничего, потому что Юрий Давыдович как человек старой закалки ушел из семьи, ничего с собой не взяв. Только что на нем было.

— На то, чтобы в 65 жизнь начать с нуля, не каждый отважится...

— А для него это был брак. Он еще до меня переживал такую же драму и наживал все с самого начала. История с ним повторилась, можно сказать, он к ней привык. Но всякий раз он вел себя именно так.

— Начинаю жить оседло — по-

забыть быт. Пыль очищена, грязь соскоблена и — конец войне. Ничего у меня не скоплено, все мое — на мне. Написано им в 1948 году и продолжалось до последних дней?

— Он всегда оставлял шикарные квартиры, дачи, библиотеки женам. Мы въезжали в эту квартиру совершенно нищие — без мебели, вообще без ничего, с тремя чемоданами. Жалел он иногда только о двух огромных библиотеках, которые оставил первой и второй женам. Разве это библиотека (Ирина показывает на книжные полки от пола до потолка. — И. К.) по сравнению с тем, что было...

— На что вы жили?

— Я работала, он получал только пенсию. А вы знаете, какие у нас пенсии. Хотя у него она шла по высшему разряду как участника войны, но все равно это были смешные деньги. Я только первые два года не работала — у меня прописки московской не было, а потом стала не просто так куда-то ходить на службу, а на самом деле зарабатывать реальные деньги. Занималась (и занимается по сей день. — И. К.) зарубежными гастролями театра Фокина и других театров. Это достаточно утомительно и ответственно. Но все, что мы нажили, без преувеличения, было заработано мной. В этом и была моя задача — дать ему отдохнуть, создать условия. В конце концов он заслужил себе спокойную старость, чтобы можно было писать и не думать о материальных проблемах. Я не могу сказать, что я ему машину подарила или виллу, конечно, нет. Но во всяком случае в те годы, когда за насло выстраивались очереди, у него всегда были фрукты, качественная еда, приличная одежда. Я всегда следила за этим.

— Поэтов в быту всегда изображают какими-то бесконечно беспомощными. Он помогал вам вести хозяйство?

— Я знала, что он старый, больной человек, поэт, а не электрик и не слесарь, что он не будет ремонтировать мне проводку или чинить унитаз. Это было ясно изначально, и глупо потом было делать большие глаза: ах, ты мне не помогаешь или ничего-то ты не умеешь. Я знала, на что шла. Несмотря на то, что мне было всего 19 лет, я быстро поняла, что мне надеяться не на кого, и жила без претензий к нему.

— Книгу воспоминаний о муже не собираетесь написать?

— Вышла книжечка — не воспоми-

наний о муже, а бесед с ним. Литератор Леонид Гомберг долгое время приходил к нам, и когда я была на работе, они брали по рюмочке чего-нибудь и сидели, толковали обо всем. Гомберг записывал беседы на диктофончик, о чем Юрий Давыдович чаще всего и не подозревал. Записи оказались бесценным материалом. А идея сделать книгу воспоминаний известных и близких людей о нем была, но пока суд да дело, практически никого, с кем был близок Юрий Давыдович, в живых не осталось. Давид Самойлов, Булат Окуджава... К концу жизни Левитанский и сам чувствовал интеллектуальное одиночество.

— А творчество Вознесенского, Евтушенко, Ахмадулиной, всей той знаменитой плеяды дома обсуждалось?

— С Ахмадулиной он дружил и очень ее любил. Что касается других, он считал, что они безусловно талантливые ребята (он намного был их старше), но не его громкости и тона. Левитанский ведь поэт камерный.

— У Юрия Давыдовича есть сборник «Утро Нового года». Какими вам запомнились такие домашние праздники жизни? Как вы их отмечали?

— Новый год всегда только вдвоем и только дома. Он уже перестал любить шумные компании, и мы всегда праздники отмечали фактически вдвоем. Поэтому такие дни не были какими-то особенными. Вот подарки — это обязательно. Он, как ребенок, любил их получать и любил дарить. Я предпочитала ему что-то из одежды покупать, для него это был настоящий подарок — самому не нужно по магазинам ходить. А он, напротив, считал: зачем дарить одежду мне, если я ее должна иметь и так, и сама могу пойти и купить то, что понравится? Мне он обычно преподносил красивые вещи, которые ставят на полку для любования...

— Что это была за история с вручением Госпремии в 1995?

— Все, когда получали от Ельцина премию, говорили спасибо и лезли целоваться, одна дама так просто повисла на Ельцине. Слезы, цветы... А когда подошла очередь Юрия Давыдовича, он вышел и сказал, что нет, не спасибо, я, конечно, благодарен за деньги, но бить челом в пол не намерен. (Это был не экспромт от минутного настроения — я печатала его речь заранее на машинке, чтобы удобнее читать. Но при таком заявлении я внутренне вся была — не 1937 год, конечно, был на дворе, но все же...) В Кремле Левитанский в обязательном ответном слове, пользуясь моментом, заявил президенту: создается ощущение, что война в Чечне идет с молчаливого согласия интеллигенции в нашей стране, но нет, это происходит не с моего молчаливого согласия, и мысль о том, что опять где-то убивают людей, для меня невыносима... Юрий Давыдович ведь не пошел бы сидеть на Красную площадь в знак протеста, но как человек, прошедший две войны, он считал себя обязанным хоть как-то воспротивиться... Он был очень красив и совершенно спокоен. Я была горда за него. Но сцена была драматическая. На зал это произвело впечатление. Я следила за лицом Ельцина — оно у него такое стало... Не то чтобы президент содрогнулся, но видно было, что ему неприятно в такой момент это слышать. Но мужество поступка Левитанского он оценил вполне — к Юрию Давыдовичу Ельцин подошел к первому с бокалом шампанского чокнуться после вручения премии.

...А 25 января 1996 года в мэрии была устроена встреча с творческой интеллигенцией, и он опять там взялся за чеченскую тему. Меня там не было, но, как мне потом рассказывали, когда закончилась встреча, Юрий Давыдович вышел в холл, сел в кресло и уже не смог встать... Он всю жизнь активно возмущался событиями в Афганистане, в Праге, Будапеште, его сердце откликалось на любую несправедливость и в конце концов не выдержало...

— Вы допускаете мысль о том, что кто-то сможет вам заменить его?

— Я одна. У меня есть, конечно, друзья, близкие люди, но я хочу сказать совершенно буднично: мне его уже никто никогда не заменит и такой любви в моей жизни уже больше не будет. Я к этому отношусь теперь без надрыва и спокойно. Вполне возможно, когда-то появится у меня муж, может, дети... Но я прошла через такой ужас, начиная от разрыва с моей семьей и достаточно тяжелой жизнью с ним — нищета, бездомье, безденежье — и кончая его смертью, которую я пережила очень страшно... И если бы у меня была дочь, пожелала бы ей такой судьбы, не знаю... Я только теперь начинаю понимать, на что я решилась в 19 лет. Я и не осознавала, что мне предстоит его пережить. Беды, проблемы, неурядицы — не самое страшное в жизни. Самое страшное — когда ничего этого не будет и за каждое неосторожное слово начинаешь себя корить и думать: вот если бы тогда вывещь ссоры, разлуки, часы, что мы с ним не разговаривали, и прибавить их к жизни теперь, сколько бы мы успели друг другу сказать!..